

СЛАВА И ГОРДОСТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Борис ЯРУСТОВСКИЙ,
профессор, доктор искусствоведения

В РОССИИ и за ее рубежами никто еще из мастеров русской музыки прошлого века не был так известен, как Чайковский. Да еще при жизни! Мало кому выпадала такая счастливая доля. Для царской России это было довольно редким явлением. Кто знал, например, кроме сравнительно небольшой группы интеллигенции, генерального современника автора «Пиковой дамы» — Мусоргского? А мелодии «Евгения Онегина» еще до постановки оперы в театрах уже распевади во многих, в частности, студенческих кругах и Петербурга и Москвы.

Такая популярность музыки Чайковского вызвана прежде всего тем, что в ней отражены многие чувства и мысли самых широких слоев современников, подобно тому, как это было в «Войне и мире» Толстого или «Бурлаках» Репина. Музыка входила в звуковой мир слушателей-современников своего рода «знакомым, знакомцем». Хотя жизненное содержание ее было новым и человеческие чувства и мысли воплощались в ней по-новому, по-новому, музыкальный язык был словно давно и хорошо знаком. Миллионам слушателей был близок сам принцип музыкального мышления Чайковского: стремление раскрыть, передать то или иное состояние человека прежде всего через выразительную мелодию.

Для мышления Чайковского характерно стремление отразить в своих музыкальных произведениях то или иное явление жизни в его движении, в развитии.

Приступая к сочинению оперы, автор всегда имел ориентиры — начальный и конечный этапы развития главных героев. Намечая эскизы будущей арии или романса, композитор часто записывает их основную мелодию и здесь же вариант с пометкой «для конца», то есть так, как она будет звучать в вершине развития перед окончанием.

Именно поэтому Чайковский смог стать великим сим-

фонистом. Его симфонии, в особенности три последних — 4-я, 5-я и 6-я, симфонические увертюры-фантазии («Ромео и Джульетта» по Шекспиру, «Франческа да Римини», опера «Пиковая дама» и некоторые другие произведения) представляют новую и примечательную главу в истории мирового симфонизма XIX века. Как Бетховен — на своем историческом этапе — творчески обобщил длительный период развития симфонизма второй половины XVIII века, так и творчество Чайковского веком позже оказалось своеобразным творческим фокусом мирового симфонизма.

И Бетховен и Чайковский способны были стать великими симфонистами потому, что были удивительно чуткими общественными «сейсмографами». Их симфонии — это великие философские повести о жизни широких слоев общества. И тот и другой отразили в своих произведениях — в различные периоды своей жизни — разные круги типических переживаний. У Бетховена это были героические чувства, связанные с эпохой великих революционных движений во Франции. У Чайковского — мрачная эпоха «безвременья», настроения смятения и растерянности русской интеллигенции в 80—90-х годах. Именно с ними были связаны и трагедийные концепции последних трех симфоний, и облик дорогого для него героя «Пиковой дамы» — Германа, и зловещей атмосферы балета «Щелкунчик».

Близость именно этих настроений связана, конечно, с особенностями натуры Чайковского, событиями его личной жизни. Родился он 7 мая 1840 года в небольшом городке Воткинске, где отец его был начальником казенного завода. Мальчик был на редкость впечатлителен. Еще в раннем детстве с ним бывали нервные припадки. Так случилось, например, при разлуке с матерью в Петербурге,

куда привезли его для поступления в училище правоведения. Но юриста из него не получилось: победила музыка, которую любил с детства. В 1865 году Чайковский заканчивает Петербургскую консерваторию по классу Антона Рубинштейна и с 1866 года в течение одиннадцати лет преподавал в Московской консерватории. Много лет, особенно в первой половине своей жизни, он нуждался.

В 80-е годы приходят признание и слава. Чайковский много ездит по России и за рубежом, дирижируя своими произведениями. В 1885 году его избирают одним из директоров Русского музыкального общества.

Последние годы Чайковский живет неподалеку от Москвы, в небольшом городке Клину. 7 октября 1893 года Чайковский покинул Клину и 16 октября в Петербурге дирижировал своей «лебединой песней». 20 октября композитор был еще на спектакле Александринского театра, через четыре дня злой случай — неосторожно выпитый стакан воды, в которой оказались бактерии холеры, оборвал его жизнь.

ЧАЙКОВСКИЙ оставил нам богатое наследство. За 28 лет своей творческой жизни он написал десять опер, семь симфоний и программную симфонию на сюжет «Манфреда» Байрона, несколько симфонических поэм, три балета, три струнных квартета, около ста романсов, три фортепьянных концерта, скрипичный концерт и много других произведений.

Такое творческое обилие объяснялось не только гениальной одаренностью, но и удивительной дисциплиной творческого труда. Где бы он ни жил, работал каждый день и всегда определенное число часов. «Труд — ни с чем не сравнимое для меня благо», — признавался великий автор «Пиковой дамы».

Чайковский был передовым человеком своего времени,

эрудиция его удивительна. В один из дней 1867 года молодой профессор Московской консерватории, например, записал в своем дневнике: «Читал новый роман «Дым» Тургенева (только что опубликованный в то время в журнале «Русский вестник»). — Б. Я., был на премьере «Тартюфа» в Малом театре, слушал лекцию профессора Бугаева о последних достижениях в астрономии». В этих записях — облик человека, проявляющего редкостный интерес ко всем областям культуры, к науке.

МУЗЫКА Чайковского звучит теперь на его родине ежедневно с сотен сцен и концертных эстрад, в театральных залах, в кинотеатрах, у экранов телевизоров. С 1958 года проводится Международный конкурс музыкантов-исполнителей имени Чайковского. Вскоре заканчивается издание полного, небывалого по объему, собрания его сочинений. Музыка великого сына русского народа поистине стала нашей славой, силой и гордостью! (АПН).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИВЕТ МУЗЫКА

В ЧЕРНЫХ сучьях деревьев метался ветер, гнал листья по бесцветной, озябшей траве.

За тихой Сестрой садилось солнце, пахло мокрой осенью и прелым листом. У подъезда небольшого двухэтажного дома нетерпеливо переминалась с ноги на ногу хилая лошаденка, запряженная в извозничью пролетку.

Седобородый человек в черной шляпе задержался на минуту у входа, опустил на двери медную табличку: «Дома нет. Просят не звонить».

Заговорили бубенцы. Серый дом стоял примолкший, темный, в окнах башенки-фонарика плясали багровые отблески заката.

Седого человека звали Петр Ильич Чайковский. Он никогда уже больше не вернулся сюда, в свой дом...

Много воды утекло с тех пор, давно стали взрослыми три сестры-березы под окнами спальни, и все стоит, вспоминает что-то старый двухэтажный домик на окраине Клина, домик, в котором живет музыка.

ДОМА нет. Просят не звонить». Да, хозяина нет дома, вот уже 72 года нет, но мы все же пришли к нему, мы не могли не прийти сюда, ибо здесь живет его музыка, музыка, которую, быть может, все понимают по-разному, но знают и любят все.

По скрипучей деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж. Минует две комнаты — слева и справа, некогда они предназначались для гостей; потом мы еще вернемся сюда. Вернемся мы потом и в комнаты младшего брата композитора — Модеста Ильича Чайковского, того, что написал когда-то либретто «Пиковой дамы» и «Иоланты» и основал в свое время музей.

А теперь войдем в святая святых дома — кабинет-гостиную. Из всех комнат эта — самая дорогая на-

шему сердцу: здесь работал Чайковский. Все в ней — бесценная память о композиторе, ко всему прикоснулись руки Петра Ильича. Как было здесь все в тот вечер, 7 октября 1893 года, когда уезжал отсюда в последний раз, так и осталось. И останется навсегда.

У первого справа окна — письменный стол. Раскрытый бювар (еще не вывели чернила на промокательной бумаге), визитные карточки, письменный прибор, камертон, несколько безделушек, пенсне, много мундштуков и трубок. Стол Чайковского. Позади него над диваном — портреты Бетховена, Глинки, Рубинштейна, Мендельсона.

Тоска сжимает сердце: не придет сюда больше хозяин, не сядет в тяжелое кожаное кресло, не склонится над столом, чтобы написать письмо кому-либо из друзей, или поправить корректуру оперы, или сделать набросок нового сочинения. Многие сотни писем написал Чайковский за этим столом — друзьям, близким, знакомым. Где они, эти письма, куда разлетелись по свету? Кто знает... А многие вернулись сюда, в архив музея, где бережно хранятся вместе с нотными рукописями, эскизами декораций и костюмов, с программами и афишами, с книгами о Чайковском.

В кабинете-гостиной — четыре книжных шкафа. Пожалуй, они лучше всего говорят о вкусах и привязанностях композитора. В одном — ноты, сочинения многих авторов. Целая полка — песни многих народов мира. А в этом шкафу — сочинения только двух композиторов, самых любимых: Глинки и Моцарта. Только двух. Самых любимых.

Два шкафа с книгами — в углу комнаты. Шекспир, Державин, Гоголь, Аксаков, Гончаров, Достоевский, Толстой. И, конечно же, Пушкин. Должно быть, это те самые красивые томики Пушкина, в которых напечатаны тот самый «Евгений Онегин» и та самая «Пиковая дама».

В кабинете-гостиной — строгий порядок. В строгом порядке стоят книги в шкафу, в строгом порядке висят на стене фотографии. Многие из вещей в этой комнате сопровождали Чайковского всю жизнь: он не любил, когда обстановка вокруг него резко менялась.

...Крохотная, совсем крохотная комната над подъездом — «фонарик». Когда-то здесь по утрам Чай-

ковский просматривал свежие газеты, читал письма, пил чай. Два стула, стол, раскрытая книжка, чашка на блюдце. И все. И много света. И тишины.

...Негромкий, на редкость мелодичный звон поплыл в комнату: пробили часы на камине. За этот звон они и полюбились Чайковскому; когда-то композитор привез их из Праги. И на мгновение вдруг представилось, как бьют эти часы в полночь, а Чайковский встает из-за стола, достает из шкафа какую-нибудь любимую книгу, гасит лампу и уходит в спальню. Она рядом с кабинетом. Здесь тоже все очень строго и скромно — кровать, тумбочка, туалетный столик, несколько картин на стенах. А вот у этого некрашеного стола остановимся подольше. Здесь были написаны Шестая симфония и Третий концерт для фортепьяно с оркестром. Вот здесь, за этим столом, в маленькой комнате-спальне, окна которой выходят в парк.

МЫ ДОЛГО еще будем ходить по этому дому, дому, в котором живет музыка. Мы побываем в комнатах Модеста Ильича, увидим много прижизненных изданий сочинений Чайковского, его писем, фотографий — это в комнатах для гостей. Потом мы спустимся вниз. Вот в этой комнате была когда-то столовая. А вот — выход на веранду.

Можем зайти в фонотеку — она в музее богатейшая, здесь есть почти все произведения Чайковского. А если нам повезет, то сможем посмотреть и рукописи Петра Ильича (разумеется, из рук Ксении Юрьевны — заведующей рукописным отделом музея).

А сейчас давайте еще раз поднимемся по лестнице на второй этаж, еще раз пройдем в кабинет-гостиную.

На пестром ковре посреди комнаты стоит старый беккеровский рояль, рояль, на котором играл Чайковский. Он покрыт тяжелым бархатным покрывалом, и крышка его плотно закрыта. Она поднимается только два раза в год — в день рождения и в день смерти композитора, и тогда в кабинете-гостиной звучит музыка Чайковского. Вот и сегодня она вырвется из распахнутых окон и будет тихо плыть в старом саду, где деревья уже распускают бледные клейкие листики, — каждый год, к седьмому мая...

В. МАКИЕВ.